

Глава 1

Последним номером программы соревнований было метание ножей на дальность и точность, и Максим подошёл к нему первым претендентом на чемпионство, победив в первых двух этапах: метание на точность и метание из необычных положений, и проиграв в третьем — метание экзотических средств поражения, от вилок и сюрикенов до двузубых стрелок и заточенных бумерангов. В принципе он не сомневался в своих силах, хотя волновался, конечно, пряча эмоции за маской флегматической расслабленности.

Обычно Максим ездил на соревнования с другом детства Саней Зубриком. Так же было и этой весной. Чемпионат России по ножевому многоборью начинался двадцать восьмого апреля и проходил в старинном русском городке Муроме.

До этого Максим (Максим Валерьевич Жаров, двадцать семь лет, мастер спорта по настольному теннису, холост, рост метр восемьдесят пять, старший научный сотрудник в лаборатории РССА (разработки спецсредств автоматики) Брянского института приборостроения) в Муроме ни разу не

был, поэтому после приезда они с Саней, или Сан Санычем, как его звали друзья (Александр Александрович Зубрик, комиссар Железнодорожного районного военкомата Брянска, двадцать шесть лет, женат, волейболист, рост метр девяносто), с удовольствием прогулялись по городу, любуясь старинными церквями, соборами и монументами.

От гида экскурсии, предложенной организаторами соревнований для приезжих спортсменов, Максим узнал, что Муром, как «город на семи холмах», расположенный на берегу Оки, впервые упоминается в «Повестях древних лет» в восьмьсот шестьдесят втором году. До прихода славян здесь обосновалось финно-угорское племя мурома, что в переводе означало «люди на земле». Их земли и стали самым восточным рубежом Древней Руси в те времена, позже сделавшись центром купечества и ремёсел.

Самым знаменитым горожанином Муромы считался богатырь Илья Муромец, родившийся в селе Карачарове, ныне входящем в черту города. Мощи богатыря, канонизированного Русской православной церковью, покоились в пещерах Киево-Печерской лавры, но частичка мощей, как оказалось, хранилась и в Благовещенском соборе Спасо-Преображенского монастыря.

Узнали гости и о том, что настоящая фамилия Ильи — Гушин, а Муромцем его прозвал народ.

Когда экскурсию подвели к скульптуре богатыря, он поразил всех былинным могуществом — так удачно расположили его архитекторы. Каково же было удивление гостей, когда стал известен рост Ильи — один метр сто семьдесят семь сантиметров.

— Офигеть не встать! — выразил Сан Саныч своё мнение по отношению к физическим данным богатыря. — В мультиках он выглядит намного солиднее.

— Его слава больше его размеров, — усмехнулся не менее удивлённый Максим.

Экскурсия состоялась двадцать седьмого апреля, а днём позже начались состязания сотни съехавшихся со всех концов России и Белоруссии метателей. Приехали и спортсмены из Армении и Казахстана, что увеличило ценность главного приза: победитель получал ключи от новенького «Москвича», изготовленного на недавно заработавшем в Москве автозаводе, использовавшем китайские профили машин марки «Черри».

Чемпионат проводился в новом спортцентре Мурома на берегу реки, и оба дня зал, где проходили соревнования, был забит до отказа. Любителей «остренького и опасного» набиралось больше, чем мог вместить спортцентр.

Заканчивались соревнования самым зрелищным мероприятием. В десять часов утра начинались броски на дальность и точность, и к финалу ближе всех подошли Максим Жаров и его соперник из Алматы Жанболат Мусабаев, тридцатилетний здоровяк, уже завоёвывавший главный приз в прошлые годы. После третьего рубежа он объявил, что его засуживают, и судьи, пересмотрев результаты этапа по системе видеоповтора, победителем объявили его.

Максим спорить не стал. Хотя к последнему рубежу соперники подошли с разницей всего в одно очко, что явно злило казаха. Оставался

один бросок: метали нож с расстояния в двадцать пять метров, и если Максим не попадал в красный «ноль» — круг в центре мишени диаметром в десять сантиметров, он мог и проиграть.

Ножи для этой дисциплины выбирались длинные и тяжёлые, требующие глубокого хвата. Но Максим выбрал сканф — короткий хват с поворотом туловища вокруг оси, что требовало великолепной координации, точного глазомера и длинной сильной руки. Всё это у него было, плюс владение скоростными темпами для ножевого боя. Друзья удивлялись, как такой крупный человек ростом под метр восемьдесят пять, обладающий длинными руками, смог стать мастером спорта по настольному теннису, опирающемуся на сверхбыструю реакцию. Но тут Максим не мог им ничем помочь, получив дар теннисиста от природы. Он таким родился. А потом всю сознательную жизнь тренировался: теннисному мастерству — у своего отца, тоже мастера спорта, а метанию колюще-режущих предметов — у его брата, дядьки Никифора, профессионала ножевого боя, служашего СОБРа Росгвардии.

Соперник бросал первым.

Он выбрал длинный хват, долго имитировал бросок, словно проверяя нервы зрителей. Красиво метнул. И нож угодил в край красного круга.

Мусабаев вскинул вверх руки, празднуя победу.

— Жаров, ваш бросок, — объявил судья.

Максим быстро приблизился к черте на полу и, не останавливаясь, как шёл, так и метнул нож, сделав оборот вокруг оси.

Клинок чётко вонзился в центр круга.

Зал взорвался единым воплем:

— Да-а-а!

Максим расслабился, посмотрел на помрачневшего соперника, сохраняя невозмутимую мину, хотел было по-дружески протянуть ему руку, но Мусабаев отреагировал по-хамски: ощерился, процедил сквозь зубы: дуракам везёт! — повернулся к нему спиной и отошёл враскачку. Впрочем, победитель не обиделся, понимая чувства проигравшего. На прошлых состязаниях в Минске болельщики устраивали и не такие сцены.

Вечером призёров повели в ресторан «Ока» в центре города. За столик уселись организаторы чемпионата, парень, занявший третье место и получивший «бронзу», Максим и Сан Саныч. Владелец серебряной медали не пришёл, что повывисило настроение победителя. Максим сочувствовал Мусабаеву и даже хотел как-то успокоить, хотя и виноватым себя не считал.

Разговоры за столом сначала велись вокруг специфики соревнований и качества ножей. Вспомнили героев прошлых чемпионатов, похвалили Максима за соблюдение традиций (он не отказывался от интервью и от встреч со спортивной общественностью), заговорили о грядущем изменении формата соревнований.

После победы России в украинском противостоянии над нацистами санкции Евросоюза начали потихоньку отменяться, и в первую очередь это коснулось культуры и спорта: и там, и там западные зрители потеряли интерес к мероприятиям подобного рода не в последнюю очередь из-за отказа

Федераций приглашать российских спортсменов. И только их возвращение снова повысило интерес к соревнованиям и привлекло внимание бизнеса. Еврочиновники вдруг осознали, что без России они теряют гигантскую прибыль, и тихонько отступили. В связи с этим замминистра спорта страны Пилигин обрадовал всех тем, что в следующем году намечается приезд на чемпионат представителей Италии, Германии, Сербии и спортсменов из ближнего зарубежья, а присутствующий на ужине мэр Мурома рассказал анекдот про итальянцев, заканчивающийся словами: что русский скажет за пару секунд матом, итальянцу час махать руками.

Посмеялись.

Рассказал анекдот и замминистра, упомянув своё недавнее турне по странам Юго-Восточной Азии.

— Как ни странно, — сказал он, — нас там понимают гораздо лучше, чем в Европе. Попробуйте перевести на немецкий, французский или английский фразу: если сильно окосел — пора завязывать!

Смех за столом усилился.

— Или вот ещё: руки не доходят посмотреть.

Веселье продолжилось.

— А азиаты такие обороты понимают? — спросил Сан Саньч.

— В том-то и дело, что им, как оказалось, не надо долго объяснять смысл нашего разговорного жаргона.

Начали приводить примеры и остальные участники застолья.

И в этот момент к столу подошёл Мусабаев, так и не поздравивший победителя с победой. Судя по нахмуренному лбу и сверкающим глазам, он был нетрезв.

За его спиной остановились ещё два парня, блондин и брюнет, оба — с модной небритостью на щеках.

— Привет честной компании, — сказал он с кривой усмешкой, оглядев собеседников. — Пьёте?

Возникла неловкая пауза.

Спохватившийся Пилигин встал, подзывая официанта.

— Стульчик гостю, пожалуйста.

Но Мусабаев даже не глянул в его сторону, повернувшись к Максиму, набылчился.

— Празднуешь?

— Провожу время в приятной компании, — ответил Максим.

— Ну-ну, проводи, хотя выиграл ты случайно. Если бы мне дали сделать ещё один брос, я бы победил.

— Если бы да кабы, — проворчал Сан Саныч, не употреблявший никакого алкоголя принципиально.

— А ты ещё кто такой? — выпятил челюсть Мусабаев.

Сан Саныч встал. Он был чуть ли не на две головы выше казаха, и тот, наверно, почувал его преимущество.

Максим дёрнул друга за рукав.

— Саня, сядь. — Посмотрел на Мусабаева. — Так в чём дело? Можем продолжить. Здесь в холле

висит дартс, предлагаю по три броска на красный сектор. Вот и выясним, кто круче.

— Чего?! — удивился задира, настроенный на конфликт и не ожидавший от соперника предложения завершить поединок таким путём.

Максим терпеливо повторил.

Мусабаев сморщился.

— Что бросать будем? Этими ножиками, — он кивнул на стол, — только колбасу резать.

— Найдём стрелки, а если нет — возьмём вилки или зубочистки.

— Максим Валерьевич, — озадаченно посмотрел на Жарова директор чемпионата. — Вы серьёзно?

— Надо же дать человеку доказать своё превосходство, — кивнул Максим. — Не вызывать же охрану?

— Идём! — объявил Мусабаев, поворачиваясь к выходу из зала.

Двое его спутников потопали за ним.

К столу подошли администратор ресторана и официант. Им объяснили, что требуется, и компания вышла в холл заведения, на одной из стен которого действительно висел диск для игры в дартс.

— Что будем метать? — осведомился разгорячённый Мусабаев.

— Что скажешь. — Максим повернулся к охраннику. — Стрелки есть?

— Есть.

— Принесите.

— Нет, — решил задира. — Будем бросать зубочистки. Сам предложил.

— Как скажешь.

Официант сбегал в зал, принёс круглую коробочку с зубочистками.

— Ты уверен? — шепнул Сан Саныч на ухо Максиму.

Тот успокаивающе сжал локоть друга.

— Жанболат... э-э... — проговорил Пилигин. — Вы... всё-таки... шли бы...

— Не мешай, — отмахнулся Мусабаев. — Лучше побудь судьёй.

Замминистра оторопело посмотрел на Максима.

— Во даёт! — фыркнул директор чемпионата. — Никакого тебе уважения!

— Побудьте судьёй, — попросил Пилигина Максим. — Это ненадолго.

— Бросаем по очереди, — сказал Мусабаев. — Ты первый.

— Предлагаю по одному броску для разминки.

— Нет уж, это тебе не стрельбище!

— Ладно.

Максим вытащил из коробочки один заострённый стерженёк, попробовал остроту кончиков, изогнул, тестируя стержень на гибкость.

— Готов. Расстояние?

— Пять метров! — мстительно бросил Мусабаев.

— Здесь всего-то наберётся четыре, — пробормотал Пилигин. — Да и не добросите вы эту стрелку, она слишком лёгкая.

— Пусть будет три метра, — уступил казах.

Отсчитали три метра, отодвинули толпу посетителей, собравшихся поглазеть на необычные соревнования.

Максим встал вполоборота к диску, покачал зубочистку, начиная входить в привычный ритм психической концентрации.

К великому разочарованию соперника, он знал технику метания лёгких предметов. Всё своё детство Максим что-нибудь бросал: теннисные мячики, благо их дома было предостаточно, так как отец играл в теннис, а также складные ножички, вилки, шарик из подшипников, небольшие камешки, швейные иголки, еловые шишки, спицы и даже сухие комки грязи. Хуже всего давались ему спички и лёгкие длинные щепки, траектория которых зависела от колебаний воздуха и от их хрупкости. Но в конце концов и они стали подчиняться расчёту, игре пальцев, интуиции и глазомеру, особенно после того как с молодым Жаровым начал заниматься дядя Никифор.

Конечно, Мусабаев тоже занимался изучением колющего ассортимента, иначе не стал бы рисковать, вызывая соперника на состязание в ловкости — по сути своей. Но в своём превосходстве он ошибся.

Максим метнул первую зубочистку.

Вращаясь вокруг оси (самое сложное было придать ей импульс вращения), зубочистка преодолела три метра и вонзилась в самый ободок центрального красного кружка.

Зрители захлопали, возбуждённо переговариваясь.

Место метателя занял Мусабаев. Долго целился, несколько раз вскидывая руку, наконец бросил.

Его стрелка вонзилась близко от зубочистки Максима, но за пределами круга.

Зрители загудели.

Мусабаев сверкнул глазами, шумно выдохнул, но затевать обсуждение броска соперника не стал.

Второй бросок Максима оказался удачнее первого. Зубочистка воткнулась точно в центр круга.

Наградой метателю были аплодисменты посетителей ресторана, едва умещавшихся в холле. Захлопал в ладоши даже Пилигин, пригласивший к себе поближе на всякий случай охранника в чёрном.

Мусабаев ответил почти с тем же успехом, хотя его зубочистка не удержалась на доске и через несколько секунд упала. Он выругался, багровея, озадаченно и с опаской глянув на противника.

Максим сосредоточился на третьем броске, поднял руку, и в этот момент спутник Мусабаева, брюнет, гортанно крикнул:

— Ха!

Рука дрогнула, и лишь в последнее мгновенье Максим сумел закрутить стрелочку. В красный кружок она тем не менее не попала, воткнувшись на один сантиметр ниже, и Максим с разочарованным выдохом понял, что это поражение.

Поступок брюнета возмутил всех зрителей.

Сан Саныч ухватил его за руку, согнул в три погибели и повёл, брыкающегося, к выходу из ресторана. На помощь брюнету кинулся блондин, однако его перехватил охранник.

— Тише, джигит, тише, тут полиция недалеко!

Послышались гневные реплики, кто-то предложил прекратить нечестный поединок, но Максим был великодушен.

— Пусть бросает, — поднял он руку вверх, призывая к тишине. — Потерпите минуту. Иначе будет неправильно.

На этот раз Мусабаев целился недолго, нервно подбрасывая вверх зубочистку. Было видно, что он колеблется. Затем сделал широкий шаг вперёд, зайдя за условную черту соревнований на полметра, кинул, и его стрелка, кувыркнувшись, не долетела до мишени.

Зрители возликовали.

— Бог шельму метит! — назидательно сказал Сан Саныч.

Мусабаев побледнел, сжал кулаки, собираясь ответить в своём хамоватом стиле, но глянул на охранника, ослабил, шаркнул ножкой.

— Я же говорил, дуракам везёт! Требую реванша! Может, кинем ножички?

— Можем и кинуть, — пожал плечами Максим.

— Нет уж, хватит! — решительно объявил Пилигин, кивнул охраннику. — Проводите уважаемого спортсмена.

Невольные зрители необычных соревнований потянулись в зал.

Максиму предложили продолжить застолье, но он отказался, сославшись на усталость.

Вернулись в гостиницу они с Сан Санычем к одиннадцати часам вечера.

— Не хочешь на сон грядущий чайку? — спросил Зубрик.

Максим улыбнулся, и в самом деле чувствуя усталость.

— Спасибо, я и так уже булькаю.

— Тогда встречаемся утром. Надо билеты сдать.

— Вот ты и займись этим.

— Слушаюсь, чемпион! — взял руку «под козырёк» Сан Саныч. — Водить-то умеешь?

— Как-нибудь довезу. Послезавтра я хочу съездить на родину, в Жуковку, сестра просила помочь. Задержусь там на пару дней. Не хочешь со мной?

— Не получится. У меня есть кое-какие дела в Брянске. Хотя подышать сельским воздухом было бы неплохо. Спокойной ночи.

Они обнялись, и Сан Саныч проследовал к своему номеру.

Максим с удовольствием принял душ, перебирая в памяти события последнего дня соревнований и анализируя своё поведение, и остался доволен. Даже в случае с Мусабаевым он вёл себя вполне прилично.

Через минуту он спал.

Глава 2

Кот орал ночью так, что Максим проснулся в два часа и подумал: кто-то умирает! — настолько душевные фиоритуры издавал котяра. Зверь буквально плакал и стонал, как человек, испытывающий невероятную боль. Ему было холодно, мучил голод, и в мяве он изливал своё непонимание человеческой чёрствости и отсутствия у людей сочувствия.

Пришлось встать и притворить окно: май в первые дни теплом не порадовал, но по привычке спал Максим с открытой форточкой. И заснуть ему удалось только после того, как кот умолк.

Наутро сестра Таня сообщила, что кот соседский, ворюга и бандит, тащит всё и у всех, и соседка давно пытается избавиться от него, выгоняет на улицу и травит.

— Зачем? — не понял Максим. — Не жалко скотину мучить? Взяла бы и усыпила в ветлечебнице.

— Так за это платить надо, — простодушно пожала плечами сестра, которая тоже не любила котов, чего и не скрывала. — А Чума всем надоел, сосед Вовка Спирин в него стрелял даже, жалко, что не попал.

— Неправильно это, — осуждающе покачал головой Максим; он-то в отличие от Татьяны животных любил, а в детстве, когда жил с родителями, дружил с котами и часто заступался перед бабкой Нюрой за Барсика; кот по ночам спал у него в ногах.

По плану в этот приезд он собирался с друзьями посетить кладбище, где были похоронены все его предки и друг детства Лёха Шилов, а потом съездить на рынок, купить кое-что для вечерних посиделок.

Он практически каждый год приезжал из Брянска в Жуковку вместе с Сан Санычем и собирал старую школьную компанию, останавливаясь то у тётки Ксени, то у тётки Вали (родители разошлись, отец уехал в Сибирь, мать в Белоруссию), а когда двоюродная сестра Татьяна купила в Жуковке домик и переехала туда из Брянска, начал квартировать у неё.

Так он поступил и в этот раз, прихватив с собой награду за первое место в чемпионате метателей — изящно выполненный из нержавейки клинок, про-

ткнувший кусок хрусталя. Хотелось похвастаться им перед честной компанией.

Кота по кличке Чума он увидел возле машины, которую ставил во дворе дома; гаража у Татьяны не было. Здоровенный пушистый рыжий кот сидел у колеса и, когда Максим вышел, уставился на него огромными зелёными глазами. И такая у кота стояла в глазах тоска, такая вселенская скорбь, что у Максима ком встал в горле. Он замер.

Замер и кот, глядя на человека.

Максим присел на корточки.

— Плохо, да, рыжий? Есть хочешь?

Глаза у кота стали ещё больше, зрачки расширились.

— Обижают? — продолжал Максим. — Хочешь, вынесу чего-нибудь?

— Мчо?! — не промяукал — спросил котяра.

Максим улыбнулся.

— Подожди, сейчас вынесу.

— Что-то забыл? — поинтересовалась Татьяна, когда он появился на кухне.

— Кота хочу покормить. Есть чего-нибудь, косточки там, молоко?

— Ещё чего, — удивилась дородная, с толстыми ногами и животом, пятидесятилетняя женщина, пережившая двух мужей. — Яду ему, а не косточек.

— Тань, ты куриный суп собралась готовить, отрежь гузку и лапы и не ругайся, божья тварь таки.

Поворчав, сестра обрезала тушку курицы.

Кот не ушёл, хотя и сидел теперь за углом дома, перед кустами малины, готовый чуть что скрыться.

— Вот, принёс, Чума, — показал курятину Максим. — Хреновую кликуху тебе дали. Буду звать тебя Рыжий, если не возражаешь. Приходи вечером, ещё чего-нибудь вынесу.

Он бросил мясо ближе к забору.

Кот проводил куски взглядом, вопросительно и недоверчиво глянул на человека.

— Ешь, не яд, — засмеялся Максим. — А то я подумаю, что ты не голоден.

Кот не спеша подошёл к мясу, понюхал, ещё раз удивлённо посмотрел на Максима, потом ухватил ближайший кусок зубами и даже не съел — проглотил всю порцию за пару секунд, судорожно обнюхав дёрн вокруг.

Стукнула дверь: вышла сестра.

Кот махнул в кусты, исчез.

— До вечера, — проводил его глазами Максим.

— Чума? — спросила Татьяна.

— Рыжий, — ответил он.

Вечером кот не пришёл. Зато заорал ночью.

Максим достал из холодильника кастрюлю с супом, выловил два куска курятины, вышел на крыльцо.

Дождя не было, но тучи затянули всё небо, дул неприятный холодный ветер, и невольно вспоминалось русское: в такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит.

— Рыжий, — позвал Максим.

Раздался шорох. По забору царапнули когти, в отсвете фонаря на улице проявилось жёлтое пятно, фосфорически мигнули глаза.

Максим положил мясо на ступеньку крыльца, поднялся повыше.

— Ешь.

Кот приблизился. Вид у него был пришибленный, с правого бока исчез клочок шерсти, за ухом виднелся шрам, правую лапу он держал как-то странно, практически не наступая на неё.

— Что у тебя с лапой?

Тон подействовал: вряд ли со зверем кто-либо разговаривал так мягко.

— Мяк, — коротко сказал кот, сделав ещё шаг.

— Подрался с кем? — покачал головой Максим. — Или попал под облаву? Иди, ешь, не бойся, никто тебя не тронет.

Кот преодолел страх, подошёл, хромя, проглотил курятину, облизнулся.

Максим осторожно нагнулся, взял его на руки, обнаружив, что весит он от силы три-четыре килограмма и дрожит мелкой дрожью.

Снова в горле возник ком.

— Пойдём, помою лапу и рану за ухом обработаю. Не дрожи, я свой, ничего плохого не сделаю.

В ванной он включил тёплую воду, усадил кота на скамеечку и начал мыть.

К его удивлению, кот не дёргался, не пытался убежать или мяукать, только дрожал и шурился, будто понимая, что хочет сделать человек. Напрягся он только тогда, когда в ванную заглянула проснувшаяся Татьяна, всплеснула руками:

— Батюшки светы! Ты совсем ума лишился, братец!

— Ага, — согласился с ней Максим, удерживая кота. — Дай какое-нибудь ненужное полотенце. Увезу его с собой, раз здесь ему житья нет. Всё равно никому не нужен.

Кот зыркнул на Татьяну огромными глазищами. Сестра перекрестилась и вышла.

— Поедешь со мной в город, Рыжий? — посмотрел ему в глаза Максим.

— Магум, — ответил кот.

Наутро Максим действительно увёз его в Брянск.

Глава 3

Вэту мужскую компанию Максим попал случайно, поступив после окончания Брянского института автоматики машиностроения в научно-исследовательский центр «Наука, инновации, технологии» при институте. Начальник проектной лаборатории РССА, в которую устроился Максим, сорокалетний Олег Сёмушкин, толстяк и балагур, оказался неплохим теннисистом, а когда узнал, что Максим в институте выступал за сборную команду по этому виду спорта, тут же пригласил его поучаствовать в соревнованиях по теннису за лабораторию; спортивная молодёжь центра с удовольствием состязалась в межофисных соревнованиях по теннису, футболу и волейболу.

Максим согласился и вскоре стал своим в команде, а также сдружился и с компанией Сёмушкина, в которую входили Дима Бушуев, ведущий инженер лаборатории, Сергей Маркин и Илья Краснов, главный её теоретик и программист. Присоединил-

ся к компании и закадычный друг Сан Саныч, продолжавший играть в волейбол за военкомат Железнодорожного района.

К концу лета они начали проводить время не только в спортзале НИЦ, располагавшемся на улице Расплетина, недалеко от речного вокзала, но и на даче Сёмушкина, а также в совместных походах по лесам Брянщины, поскольку все были заядлыми грибниками.

Кот при первом же походе Максима, длившемся сутки — утром выехали, к обеду следующего дня вернулись, — проявил себя самым решительным образом. Не дождавшись хозяина к ночи, он начал жалобно мяукать под дверь, а потом поднял такой яростный мяв, что соседи едва не вызвали бригаду МЧС, обеспокоенные кошачьим концертом. Пришлось побеседовать с Рыжим, объяснить ему, что живёт он не в деревне, а в городе, и его выступления раздражают людей ничуть не меньше прежних гонителей. Понял ли он увещевания Максима или нет, было неизвестно с неделю, до очередного похода Максима. Оставленный в одиночестве Рыжий снова устроил «филармонию», и хотя орал меньше, всё же встретил он хозяина таким укоряющим взглядом, что Максим почувствовал себя негодяем.

После этого он старался побыстрее бежать с работы домой, поменьше быть в спортзале и не задерживаться в гостях надолго. Оставить кота было некому, родители жили слишком далеко от Брянска, а родные сёстры Вика и Лена хотя и устроились недалеко, в Бежице, не слишком любили живот-

ных, как и двоюродная Татьяна. Эта ситуация так расстроила его друзей, что Олег как-то предложил ему:

— А ты бери его с собой.

— Да ладно, — озадачился Максим. — Он же сбежит.

— В машине посидит.

Обычно они приезжали в одну из деревень Брянской губернии, недалеко от грибных лесов, оставляли машину у кого-то из местных жителей, договаривались с ним, чтобы он постерёг транспортное средство (ездили на «Ягуаре» Олега, который ему подарил ещё отец десять лет назад), уходили в лес и возвращались к вечеру. Такой формат походов устраивал всех. Теперь же у Максима появился свой «русско-китаец», и он стал подумывать о походах на своём белом как снег аппарате.

— Он всю машину изгадит за день.

— Сторожу оставим.

— Сбежит.

— Ну, тогда ошейник купи и поводок, будешь по грибы с котом ходить. — Сёмушкин хихикнул.

— Он же не собака.

— Тогда сдавай его в кошачий приют, — рассердился начальник лаборатории. — Если не хочешь остаться без друзей. Либо становись домоседом.

Максим подумал, нашёл «гостиницу для зверей» на улице Бабкина, договорился с сотрудниками, что будет оставлять кота изредка, и на следующий совместный рейд по грибы оставил Рыжего там. Вернулся через двое суток, вечером в воскресенье, и дежурный приёмника заявил:

— Забирайте своего бандита! Орал два дня, бросался на сетку вольера, ничего жрать не стал! Больше не возьмём.

Максима повели вдоль ряда клеток в дальний конец приюта, и не успел он подойти, как услышал знакомый мяв.

— Вот, слышите? — повернулся к нему сторож. — Житья от него нету! Первый раз такую беспокойную зверюгу вижу.

Кот увидел Максима, перестал орать, потом бросился когтями на сетку и застыл.

Максим покачал головой, сглатывая ком в горле.

— Не стыдно? Орёшь, как пароходная сирена, людей пугаешь.

— Мму, — хрипло мурлыкнул кот, опускаясь на задние лапы.

— Неужели думал, что я тебя брошу?

— Мяккуах, — ответил Рыжий, что, наверно, означало, а кто тебя знает.

— Не брошу, дурачок. Ума не приложу, что с тобой делать. Не буду же я всё время сидеть дома? А если в командировку придётся ехать? А на море отдохнуть?

— Ммня, — облизнулся кот.

— Понимает, однако, — с уважением хмыкнул сторож. — Только больно он у вас оручий. Кастрированный?

— Нет.

— Кастрируйте, сразу успокоится.

Кастрировать, однако, Рыжего Максим не стал. Вспомнил совет Олега, задумался: может, и в самом деле попробовать брать кота с собой?

Дверца вольера открылась. Рыжий прыгнул на грудь Максима, и хотя его острые когти оставили след на руках и шее молодого человека, ему было радостно и приятно от такого проявления любви и привязанности.

Через несколько дней он взял кота с собой, купив поводок и кошачий ошейник в специализированном магазине.

Друзья сначала отнеслись к этому решению скептически, припомнив весёлые истории и мультики советской эпохи про умных котов, но когда Рыжий спокойно отнёсся к походу в лес, а через месяц вообще бегал вокруг грибников без ошейника и находил грибы, шутки прекратились.

Короче, Рыжий стал полноценным участником компании.

* * *

Это лето ближе к осени выдалось идеально комфортным для всех грибников средней полосы России.

С начала августа от Крыма до Архангельска установилась тёплая погода — от двадцати двух до двадцати пяти градусов, ночные дожди шли регулярно, через день, подпитывая лесную почву, и грибов уродилось несметное количество, хоть грузовиками вывози.

Не осталась в стороне от процесса и компания Максима. Идею съездить за грибами предложил самый младший из группы, Илья Краснов. В отличие от айти-специалистов, зацикленных на компьютерах, дни и ночи просиживающих перед мониторами, он находил время и для походов по местам

боевой славы Брянщины, и для грибной охоты, и не отказывался от турпоходов по экзотическим местам России.

— Предлагаю махнуть за грибами, — сказал он утром двадцать пятого августа.

— А кто ещё едет? — спросил Максим.

— Да наверно, все. Погода шепчет.

— Ну, если все, то и я как все. Спрошу у Сани, вдруг и он загорится.

Однако Сан Саныч отказался участвовать в походе, сославшись на какие-то тёрки с начальством.

В этот же день Сёмушкин пригласил Илью и Максима в свой рабочий модуль, располагавшийся в здании Центра этажом выше, и вывел на экран фото какого-то пирамидальной формы чёрного камня.

— Смотрите.

— Что это? — полюбопытствовал Максим.

— Чёрный столб, — сказал Олег с гордостью, будто предъявлял приятелю скульптуру из своей коллекции.

— Где ты его нашёл? — хмыкнул Максим, обнаружив, что поляна с глыбой окружена елово-сосновым лесом.

— Выкопал в Сети и выяснил его историю. Он стоит посреди Сещинского леса, который издавна считается блудным местом.

Максим засмеялся.

— Местные жители туда любовниц водят?

— Нет, имеется в виду, что местность вокруг столба заколдована, люди, увидев его, могут неде-

лями блуждать вокруг да около, пока не выберутся из леса.

— Настоящая ведьмина поляна.

— Ну, что-то вроде этого.

— Легенда.

— Нет, правда. Ленка, подруга моей сестрицы Варвары, с приятелями там была, и они действительно заблудились, двое суток по болотам шастали.

— У них что, навигатора не было? Или мобил?

— Мобилы были, да только толку с них, что с козла молока, ГЛОНАСС им одно показывает, выходят совсем в другое место, а потом и мобилы разрядились.

— Бывает, аномальная зона. И что?

— Предлагаю в субботу поехать туда всем вместе. Сестру с собой возьмём, она давно в компанию просится.

— Зачем?

— Можем не брать.

— Зачем туда ехать?

— Во-первых, столб найдём и легенду проверим. Говорят, вблизи него часы останавливаются, компасы врут и мобилы перестают работать, заряженные. Во-вторых, там грибов тьма-тьмушая, белые, грузди, рыжики, подосиновики. Местный народ туда боится ходить, вот леса и родят, по мешку наберём.

— Что ты будешь делать с мешком грибов?

Молчавший до поры до времени Илья хлопнул пушистыми длинными, как у девушки, ресницами; в отличие от Максима — сероглазого шатена, он был соломенноволосям блондином и когда смущался, вспыхивал как факел.

— Ну, ты даёшь, Макс! Засолим, замаринуем, нажарим, у меня предок умеет так грибы готовить — пальчики оближешь! К тому же вот странное совпадение. Мне на днях статья попала именно про этот Чёрный камень. Я аж зачитался. Сам хотел предложить вам как-нибудь туда съездить, посмотреть на него.

Максим внимательно посмотрел на камень.

— Да я из вредности. Если подумать, то почему бы благородному дону и не махнуть к твоему столбу? Где он, говоришь, торчит? Сещинский лес — это где именно?

— За деревушкой Гнилкой, километров десять от Сещи. В деревне осталось всего два дома, в одном живёт какой-то древний дед. У него и оставим машины.

— Ладно, меня долго уговаривать не надо, я согласен, зомбируйте остальных. Жаль, Саня не сможет с нами поехать, я уже спрашивал.

Так компания оказалась в Сещинском лесу, считавшемся одной из аномальных зон Брянской области, о которой в народе ходило много слухов и легенд.

Глава 4

Двадцать седьмого августа в пять часов утра белый лифтбек Максима забрал двух участников экспедиции — Илью и Диму Бушуева. На машине Олега поехали он, его сестра Варя, худенькая в отличие от брата, и Серёга Маркин. Сёмушкин взял с собой раскладывающийся спецрюкзак для пере-

носки пищевых продуктов, в который собирался набрать четыре ведра грибов. Дима и Илья вооружились плетёными корзинками, Варя — пластиковым ведром, сам Максим положил в багажник складной бокс для переноски пластиковых бутылок, в который вполне могло влезть два ведра грибов. Кот спокойно залез в свой решётчатый «вагон» с ручкой, на вопрос Ильи: не боишься, зверь? — ответил презрительно, вызвав смех:

— М-ме.

Он действительно перестал бояться ходить в лес.

Максим поцеловал кота в нос, уже не представляя себе жизни без Рыжего. Кот неодобрительно чихнул, вызвав смех наблюдавших эту сцену. С друзьями Максима он вел себя абсолютно свободно и не постеснялся подойти к Варваре и дать себя погладить, хотя видел девушку в первый раз.

Сестра Олега оказалась хорошенькой блондинкой с платиновыми волосами, яркими зеленоватыми глазами и ямочками на щеках. Одета она была в джинсовый костюмчик. По словам брата, ей исполнилось двадцать восемь лет (то есть она была старше Максима на один год), и работала девушка в центре сердечной медицины имени Бакулева, обслуживая ядерный магнитно-резонансный томограф.

Максиму же Варвара почему-то не понравилась, в отличие от приятелей, судя по их оживлению и умным речам. Это было заметно ещё при посадке возле дома Олега.

До Сеши добрались к шести часам утра. Деревенька Гнилка располагалась на левом берегу речки Огородни и имела всего одну улицу. Уцелевшие дома

стояли один напротив другого, за ними шли по две развалюхи, и заканчивалась деревня древним погостом, на котором был виден синий крестик. По под сказке Варвары проследовали до дома с резными голубыми наличниками, где останавливалась компания её подруги, договорились с хозяином, стариком лет восьмидесяти по имени Фёдор Трофимович (все в округе звали его просто Трофимыч), припарковать машину во дворе, и отряд устремился в лес, ведомый Ильёй и его «гуглокомпасом».

Трофимыч попытался отговорить компанию от похода, но Олег, поверивший в легенду о Чёрном камне и жаждущий приключений (несмотря на возраст и полноту — а весил он больше ста десяти килограммов), уверенно заявил:

— К вечеру вернёмся и вам грибков выделим, ждите.

— Ну-ну, — только и ответил седенький Трофимыч.

Надвинули на головы шапочки и бейсболки, углубились в лес по давно проложенной тропинке.

Суетившиеся возле Варвары Дима и Олег вынуждены были сосредоточиться на маршруте, тем более что лес через полчаса движения начал смыкать ряды деревьев и темнеть. Началась чащоба. А потом вдруг исчезла и тропинка, словно растворилась в воздухе.

Остановились передохнуть, разглядывая заросли вокруг.

Кот в котомке за спиной Максима мяукнул.

Он подумал, выпустил Рыжего, погрозил ему пальцем.

— Не отходи, заблудишься!

Варвара, с любопытством наблюдая эту сцену, фыркнула:

— Он у вас такой самостоятельный?

— Год у меня живёт, — пояснил Максим, не слишком довольный тем, что на него обратили внимание. — Сначала на поводке водил, дома один не хочет оставаться, а теперь вполне самодостаточен в лесу и грибы ищет не хуже ежа.

Однако вопреки его заявлению Рыжий отходить от группы не стал. Шерсть его встала дыбом, глаза засверкали ярче, спина выгнулась.

— Мяк-амм-мя? — сказал он с вопросительной ноткой, оглянувшись на хозяина.

— Иди рядом, — приказал Максим.

Рыжий послушался.

Варвара засмеялась.

— Завидую, мне бы такого кота кто подарил.

— Второго такого нет.

— Заметьте время, — сказал идущий впереди Краснов. — Проверим, правду говорят блуждавшие или нет насчёт отставания часов.

— А долго ещё идти? — спросил Сёмушкин, которому приходилось труднее всех. Он как настоящий начальник, сгенерировав идею путешествия, детальную разработку доверил Илье, даже не потрудившись изучить маршрут.

— С час, — подумав, ответила Варвара. — Ленка говорила, они шли около двух часов, прошли километров пять, пока не подошли к поляне, где и увидели глыбу.

— Чёрный столб?

— Она утверждала, что на столб он не похож, но абсолютно чёрный.

— У каждого своя фантазия. А грибы мы где будем собирать? Далеко до деревни переть придётся.

— Посмотрим на столб, — сказал Илья, — сфотокаемся и вернёмся назад, Трофимыч говорил, что лиственная полоса с грибами чуть южнее.

— Эх, зря идём, — вдруг сказал смуглолицый, даже зимой выглядевший загорелым Дима Бушув. — Не нравится мне эта затея.

— Остался бы в деревне, — проворчал Сёмушкин. — Не кисните, идём дальше, раз уж пошли.

Двинулись вслед за Ильёй, поглядывающим то на экранчик своего смартфона, то на часы-навигатор на руке. Шли небыстро, служба лесников захирела, лесные заросли никто не чистил от упавших деревьев и валежника, и то и дело приходилось обходить упавшие стволы, особенно сосны, превратившиеся в гигантских шипастых многоножек.

— Мы не сбились с пути? — проворчал Олег через час, когда подуставший отряд остановился на очередной отдых.

— Нет, идём точно по Гуглу, — сказал Илья. — Да и солнце светит слева, как говорила Ленка. Они тоже сначала потеряли тропинку, а потом вышли к столбу.

— Что скажешь, Рыжий? — присел Максим на корточки перед котом.

Кот зашипел.

Грибники засмеялись.

— Ему не нравится наша затея, — сказал Дима.

— Он просто устал, — возразил Сёмушкин. — Возьми его на руки.

— Иди, — протянул руки Максим.

Но кот почему-то фыркнул и попятился, ворочая головой, словно перестал узнавать хозяина.

— Во глазищи! — восхитился Илья. — Как фонари!

Кот заурчал, попятился ещё дальше, потом прыгнул в кусты.

— Ты куда?! — удивился Максим. — Вернись сейчас же, потеряешься!

Кот не отозвался, целеустремлённо направляясь к просвету между деревьями, лавируя между кочками, грудами валежника и деревьями.

Максим бросился за ним, испугавшись, что зверь действительно заблудится. За ним потянулись остальные, обмениваясь шутками.

Погоня длилась несколько минут и закончилась на опушке небольшой поляны.

Рыжая спина кота была хорошо видна в траве, и Максим не потерял его из виду, а когда догнал — зверь остановился на выступающих из земли корнях сосны, — не сразу понял, почему тот не идёт дальше. Раздвинул ветки орешника, собираясь прыгнуть вперёд и схватить кота, и замер.

В центре поляны красовался чёрный, сужающийся кверху камень, напоминающий обелиск. Он был неправильной формы, состоящий из продолговатых выпуклостей, но приглядевшись, Максим увидел в нём некую фигуру, обладавшую странно живой притягательной силой. Не очень доброй силой, потому что от обелиска дул ощутимый холодный ве-

тер — при полном безветрии — и казалось, он смотрит на человека подозрительно и неприветливо.

Максим нагнулся, взял замершего кота на руки, почувствовав, как тот напряжён.

— Тише, тише, Рыжий, не бойся, я с тобой.

Послышались голоса друзей, компания выбралась к поляне.

— О! — увидел столб Илья. — Вот он! Нашли! Ура! Я же говорил — не промахнёмся! Сверим часы, парни, на моих десять ноль две.

Компания оживилась.

Илья полез через высокий бурьян к скале.

За ним поляну преодолели, путаясь в траве, остальные, последним — Максим с Рыжим на руках. Кот поупирался, явно не желая приближаться к каменюке, но смирился со своей участью, хотя дышал часто-часто, а у обелиска вообще начал дрожать мелкой дрожью, как в Жуковке, когда Максим впервые прижал его к себе.

— Успокойся, — шепнул ему на ухо молодой человек. — Ничего страшного не происходит, мы нашли камень, сфотографируемся и уйдём.

Разбрелись вокруг странной скалы, вызывающей не слишком приятные ощущения живого, с мобильными телефонами в руках, фотографируя камень и друг друга. Устроили дискуссию: что он собой представляет. Версий было несколько: базальтовый останец, валун времён ледника, метеорит, менгир и сейд. Сошлись на общей идее, высказанной первоначально Ильёй: Чёрный столб — специально установленный здесь века, если не тысячелетия, назад географический знак, отделяющий границу

чьих-то владений либо указывающий путь ходокам и купцам.

Собрались на краю поляны, уставшие почему-то так, будто прошагали по лесу с десятков километров, перекусили, съев по бутерброду с сыром и запив чаем.

Кот вёл себя смирно, но стоило ему оглянуться на столб, его снова начинала колотить дрожь.

— Интересно, что он чувствует? — спросил Дима, заметив, как Максим успокаивает животное.

Максим не ответил. Ему тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

— Теперь можно идти и за грибами, — объявил Илья. — Сброшу потом фотки в Сеть, похвастаюсь.

— Куда надо идти? — несмело спросила Варвара, потерявшая былую активность.

Впрочем, остальные чувствовали себя не лучше, испытывая необычное недомогание.

— На восток, — уверенно указал рукой Илья. — По моим расчётам, до края леса всего четыре километра. Сверим часы ещё раз, на моих половина одиннадцатого.

— Десять двадцать восемь, — сказал Дима.

— Десять двадцать семь, — возразил Олег.

На циферблате часов Максима было ровно половина одиннадцатого, и он промолчал.

— А вам не показалось странным... — начал непривычно задумчивый Дима.

— Что? — оглянулся на него Сёмушкин.

— Нас как будто кто-то тянет назад.

Все замолчали, бросая взгляды на поляну, посреди которой угрюмо высился Чёрный столб.

Максиму тоже показалось, что он чувствует некое необычное нетерпение и желание вернуться. Но коту поведение людей не понравилось, он задёргался в сумке и хрипло, с надрывом, мяукнул:

— Мяв-р-р-ру-у-у!

— Идёмте отсюда, — первым опомнился Олег, передёрнув плечами. — Не русский тут бог запакован, зря только время потеряли.

Двинулись прочь от поляны, следуя за Ильёй. Но прошагали всего ничего, с полкилометра, и вышли... к поляне с обелиском!

— Оба-на! — сказал Краснов озадаченно, глядя на чёрную колонну в просвете ветвей. — Это что ещё за фигня?!

Вышли на край поляны.

Кот в котомке за спиной Максима заворчал, мявкнул вопросительно.

— Трофимыч предупреждал, — робко проговорила уставшая Варвара. — Все, кто видел столб, потом долго блуждали.

— Это я виноват! — храбро заявил Илья. — Отвлёкся, на компас-навигатор не смотрел... — Он умолк, глядя на циферблат навигатора, по которому из стороны в сторону прыгала магнитная стрелка. — Вот блин!

Сёмушкин подошёл к нему, поднял руку с браслетом к глазам.

— Ну и что это означает?

— Сюда шли, всё было нормально. — Илья ткнул пальцем в лес. — Там юг, там север.

— Что изменилось?

— Не знаю.

— Послушайте, пацаны, — сказал Дима Бушуев, — вам не кажется, что форма столба какая-то другая?

Все дружно посмотрели на трёхметровой высоты обелиск.

— У тебя галлюники, — изрёк Илья.

— По-моему, он был толще... — неуверенно сказала Варвара.

Максиму тоже показалось, что скала в центре поляны «похудела», но это мог быть и просто другой ракурс, и возражать он не стал.

— Я поведу, — решил Олег. — По солнцу. Сейчас десять сорок пять, солнце на западе, значит, север там, а нам сюда. Давайте ещё раз сверим часы.

— На моих десять сорок три, — сказал Дима.

— Десять сорок две, — хмыкнул Сёмушкин.

— Десять сорок, — сообщил Максим.

— А мои стоят, — удивилась Варвара.

Мужчины переглянулись.

— Что у тебя за аппарат? — поинтересовался Олег.

— «Пандора»... швейцарские, — показала часы девушка.

— Кварц?

— Да...

— У меня механика.

— И у меня, — добавил Дима. — Отечественные офицерские.

— Ладно, возьмём на заметку, — бодро сказал Илья. — Подтверждается слух, что в этих местах часы начинают глючить.

— А твой навигатор?

Илья сморщился.

— Не поверите... похоже, он тоже заглянул. Вот гадство!

— Погуляли, — помрачнел Сёмушкин. — Не хватало ещё застрять здесь до вечера.

Двинулись обратно тем же путём, тщательно сверяя направление движения, стараясь идти по солнцу — на юго-восток.

Кот в сумке за спиной притих на какое-то время, потом начал мяукать, да так скорбно, что Максиму пришлось выпустить его на волю.

— На поводок посади, — посоветовал Дима. — Удерёт — не поймает.

Однако Рыжий не стал убежать далеко, лишь сделал крюк, поворчав не то на зверя, не то на птицу в кустах, и вернулся к хозяину. Максим снова взял его на руки, погладил, посадил в сумку, передвинув её на грудь.

— Смотри, куда идём.

Прошагали с километр, останавливаясь каждые полсотни метров, ища глазами солнце за кронами деревьев.

И вышли к поляне с Чёрным столбом!

Кот заорал, но Максим не стал его выпускать. Посмотрел на свой механический хронометр: часы по-прежнему показывали десять сорок, что и полчаса назад. Часы не могли не идти, так как завод у них не кончался, они обладали маятниковым механизмом, подводящим пружину, но они не шли!

— У меня мобильный сдох, — сообщил обескураженный Дима.

— У меня тоже, — буркнул Олег. — Что скажешь, Сусанин?

Илья оторвался от созерцания обелиска.

— Мы шли строго на юго-восток... если верить положению солнца. Ну... сбились...

— Что твой Гугл показывает? — спросил Дима.

— Ничего не показывает, — смутился Краснов. — Аккумулятор сел, наверно, как и у мобил.

— Да, мобилы у всех в отключке. Что будем делать, господа хорошие?

— Надо не терять направления, — сказала Варвара.

— Мы его не теряли.

— Ведьмина поляна просто так не выпустит, — сказал Дима. — Я читал, люди вообще пропадали...

— В болотах топли, — отмахнулся Илья. — А здесь лес более-менее чистый, болот мало. Я в колдовские штучки не верю.

— Но аномальщина налицо.

— Выберемся, этот лес насквозь за два часа пройти можно. Предлагаю идти галсами: прикинули направление, прошли десять метров, посоветались, дальше пошли, чтобы точная прямая получилась, а не петля, и выйдем.

Сёмушкин подудел себе под нос, размышляя, вытер пот с лица (становилось жарко, по мере того как солнце поднималось выше), оглядел команду.

— Давайте помолимся лешему, чтобы выпустил, лично у меня к нему претензий нет.

Варвара фыркнула.

— Лешие в сказках остались.

— Кто знает, кто знает, сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. А мы, между прочим уже дважды кругалю дали. Пошли, будем идти так, чтобы столб всё время сзади оставался, каждые десять метров корректируем курс.

Глава 5

Тронулись в путь.

Кот снова притих. Максим собрался было выпустить животное, но передумал. Аномальная зона действовала на кота сильнее, чем на людей, и он мог просто разнервничаться и сбежать.

Прошли с полкилометра, проверяя траекторию движения после коротких остановок, убедились, что идут прямо, снова двинулись прочь от заколдованной поляны. Повеселели, так как по всем признакам поляна осталась позади, взгляд в спину снизил давление, ощущение неприятного сопровождения исчезло.

Лес изменился, чаще стали попадаться лиственные породы — берёза, дуб, клён, ольха.

Вышли на тропинку.

— Ура! — вскинул вверх кулаки Илья. — Главное — верить в себя, а не в магию, и всё будет тип-топ!

— Куда теперь? — спросила облегчённо вздохнувшая Варвара, снимая бейсболку. — Направо, налево?

— Направо, — сказал Дима.

— Налево, — возразил Илья. — Направо — это практически назад, к поляне, я точно знаю.

— Вечно тебя тянет налево, — усмехнулся превший Сёмушкин. — Ладно, не красней, я пошутит, идём налево. Уже обед скоро, а мы ещё грибов не видали.

— Я лисички видел.

— Я тоже, но здесь лучше не брать.

Попили водички, заторопились, набирая ход.

Тропинка почти не петляла, полузаросшая, старая, изредка почти исчезающая в траве. Впечатление было такое, будто по ней не ходили несколько лет. Но поскольку любая тропинка должна заканчиваться там, где живут люди, грибники не задумывались, куда она приведёт. Вокруг было много сёл и городков, и к одному из них они надеялись скоро выйти.

Шли, однако, долго, больше получаса. И когда у Сёмушкина лопнуло терпение и он был готов объявить привал, впереди меж стволами сосен и берёз замелькали какие-то жёлто-коричневые пятна, длинные жерди, крыши, и отряд вышел на околицу деревни.

Илья, почти бежавший впереди всех, замедлил шаг, остановился, озадаченно разглядывая то, что находилось на открывшемся пространстве. К нему присоединились остальные.

— Мать честная! — сказал Илья.

Это была деревня. Но очень необычного вида деревня, словно сошедшая с полотен художников, пишущих фантастические гиперборейские поселения многотысячелетней давности, какими их представляли историки Древней Руси.

Тропинка вливалась в хорошо утопанную ровную дорогу, кольцом охватывающую с три десятка

строений, также образующих кольцо вокруг круглой площади, посреди которой высилась колонна высотой метров в пятнадцать, похожая на гигантский штык. Сделана эта колонна была из деревянных брусьев и жердей.

Дома деревни тоже были выстроены из дерева: срубы — из ошкуренных и отполированных до блеска брёвен не меньше полуметра в диаметре, двух- и трёхвенцовые островерхие крыши покрыты досками, искусно перекрывающими друг дружку, и заканчивались они по углам фигурами зверей и птиц.

Крыши то ли были покрашены, то ли потемнели от старости и непогоды до бурого цвета, а вот брёвна домов буквально светились янтарём, словно были уложены и отлакированы недавно.

Окон в стенах строений насчитывалось множество, и все они были охвачены резными наличниками немислимой красоты. Узорчатые двери, балясины крылец также выглядели новыми, но, в отличие от стен, явно были покрашены, и весь этот ансамбль строений напоминал некий музей под открытым небом, ждущий посетителей, а не жилое городище.

Судя по тишине, царившей в деревне, она была пуста.

Впрочем, это впечатление оказалось ложным. Сначала Варвара заметила движение на площади деревни, затем Максим и все остальные: где-то хлопнула дверь, замычала корова, кто-то засмеялся вдали, послышались голоса, за деревней проскакал всадник на странном коне — гости не успели его

разглядеть, а потом из ближайшего храма — избой эту постройку назвать не поворачивался язык — вышла женщина в цветастом сарафане и цветастом же платке и зашагала по кольцевой дороге, перекинув через плечо белый свёрток. В другой руке, не занятой свёртком, она держала плетённый короб.

Грибники, затаив дыхание, следили за ней, не веря, что это с ними происходит наяву.

Кот в сумке зашипел.

— Тише! — едва слышно прошептал Максим, просунув руку в окошко сумки и погладив зверя по вздыбленной шерсти.

Женщина заметила отряд, приостановилась, но не испугалась, повернула к грибникам. Подошла на расстояние в десяток шагов, остановилась, внимательно разглядывая компанию. Стало видно, что это старуха лет восьмидесяти, с морщинистым тёмным лицом и большими голубоватыми глазами, в которых светились ум и энергия.

— Здрасьте, бабушка, — пробормотал Олег.

За ним недружно поздоровались с жительницей деревни спутники толстяка.

— Мы немного плутанули, хотим к деревне Гнилка выйти, не подскажете, в какую сторону идти?

— Какошч сторон? — переспросила старуха глуховатым голосом.

Мужчины переглянулись.

— Это что за деревня? — спросил Олег. — Или здесь построили павильон для съёмок?

— Съёмоч? — повторила старуха с ноткой недоумения. — Какошч съёмоч? Хэта поселица Хлумань.

— Что? — удивился Олег. — Хлумань? А где Гнилка? Деревня Алексеево? Сергеевка?

— Серхиевк? Лексиё? — в свою очередь удивилась старуха. — Нетто нико тут, поселица Хлумань живе. Версты осьми дванадцать к нору отседа Микоростень-град.

— Мико... — Олег посмотрел на Илью, на Диму, сглотнул. — Вы что-нибудь понимаете?

— А-и-а, вы же от ешче мир живе, — с облегчением проговорила старуха, улыбнулась, помолодев сразу лет на сорок. — Блудно ишта за лес.

— Что?!

— Инну, вы ушлы лес завлечь — от соседни живче.

— Не понимаю...

— Кажется, я понял! — ожил Илья. — Хотите верьте, хотите нет, но мы попали в параллельное измерение...

— Да ладно тебе фантазировать, — ухмыльнулся Дима, — смотри, как она лыбится. Небось артистка. Здесь точно фильм исторический снимают.

Из-за ближайшего «храма» слышались голоса, на дорогу вышли двое мужчин, одетые в старинные кафтаны с множеством накладок, нашивок и навесок, пожилой, с седым чубом, и молодой, с белым чубом, свешивающимся на лоб. У обоих на странных перевязях висели мечи в узорчатых ножнах. Увидев на опушке леса компанию Сёмушкина и старуху, оба замолчали.

Старуха оглянулась, позвала:

— Гонта, йды туто.

Седой, примерно шестидесятилетнего возраста, подошёл, разглядывая ясными глазами замер-

ших грибников. Особого удивления на его лице не было, как не было беспокойства или страха.

— Блудно ишта их замрею, — сказала старуха. — Треть ходы за последни летось.

— Чёрны вага? — задал вопрос Гонта, продолжая разглядывать грибников.

— Что? — не понял Олег.

— Увыи идха ото Чёрны вага?

— От Чёрного столба, — подтвердил Илья, уловив смысл вопроса.

— Стовп, калин морок, — кивнула старуха.

— Кто вы?! — дрогнувшим голосом спросила Варвара.

Жители деревни посмотрели на неё, как показалось Максиму, с одинаковой жалостью.

— Умыи живаго те Хлумань, — кивнул на деревню мужчина с седым чубом. — Росичско охоронство. Основград Микоростень. Дале будо Новуград и Свейск-жито. А увый отоки?

— Из Брянска, — выдавил Илья.

Мужчина и старуха переглянулись.

— Воремя теки навбоки, — сказала старуха. — Оден соседни живче, застряно — остань повернато николаы.

— Давень шлёндрас-то? — спросил седой.

— А? — вытянул шею Илья.

— Он спрашивает, давно мы ходим? — сообразил Максим.

— Давно, часа два... вы нас понимаете?

Жители Хлумани снова обменялись взглядами.

— Увыи не прима выхоче з распадку Чёрны вага, — сказал пожилой житель Хлумани, в то вре-

мя как его спутник, остановившийся в нескольких шагах, молча разглядывал грибников. — Мены три-ждень выходче до увьи.

— Ешче есь ворема нал, — добавила старуха. — Пусь Малята отведе до распадку на Грань.

Гонта кивнул парню.

— Малята.

Подошёл парень — косяя сажень в плечах, пушок на свежих щеках, в глазах смущение и любопытство.

— Здравы будьмо.

— Отведе хлопы до распадку.

— Подождите! — опомнился Олег. — Вы серьёзно?! Этот ваш Хлумань — в другом... в другом...

— Измерении? — договорил Илья.

— Соседни живче, — закивали мужчина и старуха. — Увьи шибко наскоро надоть обкруче ко Чёрны вага, а то не верни николы или довго ждати домотри.

— Но...

— Иде!

Кот в сумке мяукнул.

Все повернули головы к Максиму.

— Рыжий, — выговорил он виновато. — Кот.

— Миелов? — удивился Гонта.

Максим показал сумку с окошком.

Седой подошёл, нагнулся к окошку. Кот уставился на него огромными глазищами.

— Сонечко дитё, — с неожиданным уважением сказал Гонта. — Помощче?

Кот мяукнул.

Седой разогнулся.

— Шибко иде, щелка зараста, не выди до вёсны.

— Чёрт, надо сфоткаться! — заволновался Илья. — Никто же не поверит! Вы понимаете, с кем мы разговариваем?! Эта их Хлумань и в самом деле стоит в параллельном мире! Чёрный столб нас сюда перенаправил!

— Мобильные не работают, — напомнила Варвара.

— Ах ты ж ёлки зелёные!

— Иде, иде, — поторопил их мужчина.

— Спасибо вам! — поклонился Олег. — Рады были познакомиться. Может, ещё свидимся?

Спутник седого по имени Малята зашагал в лес.

Пока шли, Илья попытался разговорить проводника, запасти побольше информации о таинственной стране, которую старик назвал «Рось». Однако молодой абориген отвечал неохотно, коротко и не всегда понятно, хотя его язык напоминал белорусский, поэтому узнать удалось не много вдобавок к тому, что уже было известно.

Селение Хлумань с севера окружали леса «на многи круги вёрст», как выразился Малята, а всего в двух верстах от него начинался обрыв какой-то Великотопи. На севере от Хлумани, в по-лонгики пути (Максим понял это определение вроде полусуток), располагался городок Микоростень; передвигались местные жители «птерана обоящ», а когда любопытный Илья спросил:

— На конях?

Ему ответили:

— Птерана, ящя звер, древни копытики.

Так и осталось непонятным, кого использовали местные жители в качестве ездовых животных.

Малята отвечал неохотно, однако всё же сообщил, что ещё дальше за Микоростенем располагается столица края Новуград Бореана. Появление группы россиян возле Хлумани оказалось не первым, сюда уже трижды выходили «пешцыи» путешественники, заблудившиеся в Сещинском лесу после встречи с Чёрным столбом, и один из них не успел вернуться, так и загинал в лесу, по эту сторону границы миров, не найдя выход к Хлумани. На вопрос Олега: что значит, он не успел вернуться? — Малята ответил просто-душно:

— След остыл.

Перевод не потребовался, сказано было абсолютно по-русски.

Но до столба (Малята называл его Чёрны вага) проводник группу не довёл, остановился в лесу, на берегу какого-то ручья.

— Дале вытойте одне.

— Почему? — не понял Илья.

— Невать умие, — пожал плечами парень, — перейдо граник, опто навпрочь не наиду, сгину.

— Нельзя ему, — тихо и несмело перевела Варвара, уставшая больше других. — Пересечёт границу — не вернётся обратно.

— Интересно, что он знает о нашем мире? — проговорил Дима.

— Они не сильно удивились, когда нас увидели, — проворчал Олег. — Здесь уже были наши туристы. Значит, понимают, что мы соседи. Знают,

где стоит граничный камень, отделяющий нашу реальность от их мира.

— Дружище, этот камень — портал, да? — жадно спросил Дима.

Малята отступил.

— Бечь шибко! Щелка зараста! Не то приидетца довго ждат открыи.

— Вообще у вас какой год? — поинтересовался Илья.

— Некогда рассусоливать, — сказал Олег. — Бежать надо, пока след не остыл. Нам точно туда? — Он кивнул на чашобу за ручьём.

— Сонечко дитё покаже, — кивнул на сумку с котом проводник. — За им бягне.

— За котом?!

Малята молча повернулся и исчез, только прошелестело.

Все повернулись к Максиму, ошеломлённому словами парня.

— Макс, ты поводок взял? — осведомился Илья.

Максим кивнул.

— Бери на поводок, а то удерёт, и поминай как звали.

— Не удерёт!

— У нас нет выбора, — сказал Олег. — Кот побежит — и мы за ним, со всех ног. Выпускай зверя, Макс, объясни ему ситуацию.

Максим открыл котомку, взял кота на руки, заглянул ему в глаза.

— Спасай, Рыжий! Нам домой надо, домой! Понял? Веди нас к тому Чёрному камню, что мы видели. Понял? К Чёрному столбу!

Кот мяукнул.

Максим опустил кота на землю, шагнул вперёд.

— Нам туда, понял?

Кот вытянул вперёд морду, лоя дрожащими ноздрями запахи, и устремился мимо зарослей колючего кустарника, напоминающего акацию, в просвет между деревьями.

Максим последовал за ним. Остальные заторопились следом.

Шли таким манером всего минут двадцать, не больше.

Кот бежал вперёд уверенно, обходя лишь огромные ели, заросли кустарника и высокой, чуть ли не в рост человека, купы травы. К удивлению компании, на пути не встретилось ни одного упавшего дерева, ни одной кучи валежника, хотя в Сещинском лесу этого добра хватало. Щебетали птицы, в кронах деревьев шелестел ветерок, температура воздуха была комфортной — не больше двадцати пяти градусов, и возвращаться в родной лес, замусоренный в результате «ельцинской революции», не хотелось.

Наконец впереди высветилась прогалина в чащобе. И ещё не выйдя на поляну, Максим интуитивно ощутил, что кот привёл их к Чёрному столбу.

Выбрались на край поляны, потные и разгорячённые, глядя на высившуюся в центре скалу.

— Чтоб ты... — начал в сердцах Дима.

— Заткнись! — одёрнул его Сёмушкин. — Нельзя его сердить! Он не виноват. Наоборот, милости просить надо, чтобы выпустил домой.

— Что теперь? — выдохнула Варвара.

— Не знаю, — поскрёб затылок Илья. — Надо было у Маляты спросить.

— Давайте подойдём ближе, мысленно объясним ему.. — начал Максим.

— Кому?

— Ну, по сути, это сторож границы...

— Пошли, — скомандовал Олег.

Максим взял заурчавшего кота на руки, поцеловал в холодный нос.

— Спасибо, Рыжий! Всю сметану дома отдам!

Пересекли поляну, путаясь в густой траве, не сохранившей ни одного следа их недавнего пребывания у скалы. Постояли в молчании у чёрного, с искрой, монолита.

— Ну, и что дальше? — поглядел на Максима Илья. — Пускай кота.

Максим выпустил, но кот зашипел и полез по его ноге вверх, цепляясь за штанину острыми когтями. Пришлось снова взять его на руки.

— Не хочет? — удивился Дима.

— Он свою миссию выполнил, — сказал Олег задумчиво. — Ну-ка, парни, давайте ориентироваться по нашим приметам. Солнце пошло к закату, значит — там запад, в обратке — восток, нам примерно туда. Гнилка в той стороне. Я правильно рассуждаю?

— Вроде бы так, — согласился Илья.

— Потопали.

Двинулись прочь от скалы, стараясь идти по прямой, и уже через несколько минут почувствовали облегчение. Напряжение, владевшее всеми, стало спадать, будто с душ путешественников упал

огромный валун. Дима Бушуев даже засвистел, пока Олег не посоветовал ему «заткнуть фонтан».

Ещё через полчаса вышли на знакомую тропинку, словно вынырнувшую ниоткуда.

— Уф! — с облегчением сказала Варвара, вдруг обнаружив, что забыла свою корзину у Чёрного столба.

— Можем вернуться, — предложил Максим.

— Ой, только не туда! — изменилась в лице девушка.

— Ну, теперь по грибы? — спросил Илья.

На него посмотрели как на сумасшедшего.

— Домой хочу, — жалобно сказала Варвара.

— А я бы сюда ещё разок наведалься.

— Псих! — сказал Дима. — А если бы мы там остались, в этой твоей тьмутараканской параллельной реальности?

— Ну и что? Представляете, сколько нового узнали бы? Вообще на Земле много таких мест, где существуют проходы между измерениями, нам повезло, что мы наткнулись на один.

— Да уж, повезло.

— Идём в деревню, — решил Олег.

— А что мы скажем, вернувшись без грибов?

— Что мы вообще скажем, где были? — проворчал Олег, посмотрев на кота на руках Максима. — Вот кому памятник ставить надо! Он нас вывел! Я для него тоже сметаны не пожалею.

Кот полез по груди Максима, ткнулся носом ему в шею и сказал «ммя».

Глава 6

История с походом к ведьминой поляне не получила огласки.

Сёмушкин решил ни с кем не делиться сведениями о существовании «параллельного гиперборейского» мира, вход в который им показал Чёрный обелиск в центре Сещинского леса, и друзья с ним согласились. Илья даже предложил компании собраться ещё раз у «ведьминоного портала» и хотя бы понаблюдать за ним. Но его никто не поддерживал.

Конечно, Максим рассказал о походе Зубрику.

— Да, — сокрушённо почесал затылок Сан Саныч. — Жаль, что я с вами не пошёл.

Встреча состоялась вечером в воскресенье дома у Максима, живущего в новой девятиэтажке на улице генерала Ермолова, и кот на посиделках, естественно, присутствовал, млея от поглаживания на коленях хозяина.

— Значит, он вас вывел? — Александр присел перед Рыжим на корточки. — Как же тебе удалось, зверь? И вообще как к этому относиться?

— Мауму, — ответил Рыжий, облизываясь.

— Есть хочешь?

— Нет, это он хочет гулять.

— Выпускаешь?

— Не рискую, только в лесу. Здесь город, слишком опасно.

— Да, мне бы такого следопыта, я бы и не женился.

Максим засмеялся.

— Жена достала?

— Не без этого, характер у неё железобетонный. Слушай, а что если мы вдвоём рванём в Сещу? У меня со второго двухнедельный отпуск, и до четырнадцатого августа я совершенно свободен.

— Зато я не свободен.

— Хочешь, мой шеф позвонит вашему, и тебя отпустят?

— Нет, Саня, если и ехать, то разве что на один день, в субботу или воскресенье, чтобы убедиться в существовании Чёрного обелиска. Да и то я не горю желанием.

— Почему? — удивился Сан Саныч.

Максим вспомнил удивительное селение за пределами ведьминога круга, её жителей, и его как что-то толкнуло в голову, будто из «параллельного мира» донёсся неясный зов — приди-и-и... помоги-и-и...

Он очнулся, помотал головой.

— Ты что? — вытаращил глаза Сан Саныч.

— А что?

— Побледнел. Не сердце, часом?

— Я здоров как бык. — Максим отпустил мяукнувшего кота, сходил в ванную, умылся, позвал гостя на кухню. — Идём кофе пить. Вообще, если честно, до сих пор не выходит из головы наше путешествие в «параллельный мир». Неужели всё это было наяву? Иногда даже кажется, что на нас повлияла ведьмина поляна.

— Тем более надо проверить.

Выпили по чашке кофе с молоком.

Сан Саныч вспомнил, как он ездил недавно в Жуковку, ещё до соревнований по метанию, где

ему пожаловался на несправедливость властей общий школьный дружок Саня Вавин, которого оштрафовали за «доброе дело». Как оказалось, он залатал ямы на улице, где жил, тянувшейся вдоль железнодорожных путей до вокзала, устав ждать милости от администрации городка и взяв на себя функции дорожных служб.

— Ну, и юристы мэрии придрались, — закончил, поморщившись, Александр, — усмотрев в этом «создание помех в дорожном движении путём загрязнения дорожного покрытия и создания угрозы для автомобилистов».

— Ты серьёзно? — удивился Максим.

— Они уже и квитанцию прислали, — снова поморщился Сан Саныч. — Я посоветовал ему подать в суд и не платить. Надо бы съездить, разобраться.

— Обязательно поедем, — согласился Жаров. — Отпрошусь на денёк на неделе.

— А в Сещу не соберёшься?

Он помолчал, поглядывая на кота, ждущего еду возле своей миски.

— Давай решим завтра. К тому же это тебе не просто за грибами сбегать, надо экипироваться по-серьёзному.

— За этим дело не станет, — хмыкнул военком, — в моём ведении гражданская оборона района, а там найдётся любое имущество и снаряжение.

Они попрощались, и Сан Саныч отправился домой, к «генералу в юбке», как он называл жену Лену.

На следующий день Максим занялся на работе привычным делом: лаборатория разрабатывала дат-

чики контроля горячего стального проката, — и до обеда с головой окунулся в расчёты температурных режимов.

Обедать он пошёл с Ильёй, который с энтузиазмом начал перебирать варианты существования «параллельного» мира.

— Ведьмина поляна — это узел пересечения многих измерений, — вещал он, не забывая жевать. — Я читал, что четвёртое измерение является объёмным листом Мёбиуса¹ и может скручиваться вокруг аномальных зон. Вернее, создавать эти аномальные зоны. Так и в Сещинском лесу возникла складка в пространстве, в которую нас засосало. Хорошо, что твой Рыжий вывел нас оттуда, чутьё у него как у классного экстрасенса. Хочешь, я дам тебе ссылку в Сети? Почитаешь про измерения, там о многих аномалиях рассуждают.

— Я не фанат Сети, — отказался Максим.

— Да и я тоже не часто зависаю, — хохотнул молодой инженер. — Если только не попадается хорошая стратегия. Вчера получил за третий уровень «Варсизонс» девять тыщ лайков!

— Круто, — покачал головой Максим. — Хотя ты напрасно тратишь время на игры ради лайков.

— Прикольно же, я успешно расту в игровой ту-совке.

— Забыл, о чём нас предупреждал босс?

— Олег? О чём? Напомни.

— Не торчать в инете больше часа. Когда критерием успешности становятся лайки толпы недоум-

¹ Лист Мёбиуса — односторонняя поверхность.

ков, торчащих в Сети сутками, плюс хайп и мнение блогеров, цена такой успешности — плевков!

— Да ладно, — отмахнулся инженер, не обидевшись. — Добавь ещё для весу про блогершу на сцене Большого, Даню Милохина в качестве ведущего и «короля попсы» Филю Киркорова, будет полный набор фриков идиотической контрпропаганды.

— Не полный.

— Идиотов в Сети хватает. Но молодёжь надо воспитывать иначе.

— Подскажи как. Сам-то не старик? Сколько тебе?

— Двадцать пять. Нас не надо давить стандартным укором и наборами правильных идеологических штампов. Я не только сижу в Сети, но и по музеям с удовольствием хожу. Вот где можно набраться примеров креативности мышления создателей шедевров.

— Не знал, что ты ходишь по музеям.

— Подруга заставляет, — признался Илья смущённо. — Да я и сам поднаторел. Недавно посетили выставку самых дорогих скульптур в мире.

— Где? — удивился Максим. — В Брянске вроде бы не было объявлений.

— В Белгород ездили, туда привезли несколько натуральных работ и воспроизвели два десятка в виртуале. Не встречал в соцсетях?

— Говорю же, я не висну в Сети.

— А мы с Викой обалдели, когда узнали цены на эти шедевры. В натуре под стеклянными колпаками посмотрели на «Голову» Модильяни, на «Изысканную девушку», кого — не помню. Видел?

Максим молча помотал головой.

— На девушку эта «Изысканная» похожа, как я — на банан. Знаешь, сколько она стоит?

— Нет.

— Семьдесят один миллион зелёными!

— Да ну?!

— Мамой клянусь! Но есть ещё дороже, например «Шагающий человек» какого-то итальянца¹, тоже не помню имени. Так вот он стоит аж сто четыре «лимона». Ещё дороже «Указующий человек» — сто сорок «лимонов».

— Жесть! — усмехнулся Максим.

— А что ты скажешь про апофеоз композиции под названием «Размышление»: сидит голый мужик, а его член поднимается вверх и вливается в голову. С аукциона Сотбис она ушла за двести десять миллионов!

Максим невольно рассмеялся.

— Шутишь?

— Нет. Ничуть, всё так и есть.

— Недаром же говорят, что Европа гниёт.

— Вот тут я с тобой совершенно согласен. — Илья допил напиток. — Слушай, шеф не хочет повторить поход в Сещинский лес?

— Мне он ничего не говорил.

— Знаешь, я, наверно, схожу без вас, если не согласитесь. Не могу забыть ту деревню в гиперборейском стиле за поляной.

— Хлумань.

— Что? Ах, да... ну, так как?

¹ Альберто Джакометти, скульптура создана в 1961 году.

— Я подумаю, — пообещал Максим, решив пока не предупреждать приятеля о намеченном с Александром путешествии к поляне.

— Давай думай быстрее, а то лето кончится, а осенью туда лучше не соваться.

До вечера стало известно, что начальник лаборатории не планирует повторить рейд к ведьминой поляне, и перед друзьями встал вопрос — брать с собой Илью или нет.

В семь часов они с Александром пересеклись в спортцентре на Донецком проспекте и поиграли в теннис. После чего на новеньком «Москвиче JS4» Максима поехали домой к военкому и поужинали в овощном стиле: жена Александра великолепно готовила кабачки с рисом под сыром. Посидели ещё с полчаса, обговорив детали будущей экспедиции в Сещинский лес. Максим предложил взять с собой Илью, и Сан Саныч согласился, не имея ничего против молодого парня. Илью он знал достаточно хорошо и любил за искренность.

В половине одиннадцатого Максим поставил своего «московского китайца» на стоянку возле дома, поднялся на пятый этаж, где располагалась его «трёшка» площадью в шестьдесят квадратных метров.

Кот не встретил хозяина, как обычно, у двери, и Максим почувствовал неладное. Посмотрел на кухне, увидел две тарелки с остатками еды.

— Рыжий, ты где, соня?

Кот не отозвался.

Поиски зверя закончились в спальне: Рыжий залез под кровать и долго не желал выбираться из

засады, несмотря на все уговоры, пока Максим не вытащил его за шкирку, обнаружив, что кот дрожит мелкой дрожью.

Проснулась интуиция.

Никаким экстрасенсом Максим сроду не был, но спортивная закалка дала ему обострение чувств, и ему показалось, что кот боится чего-то не зря.

— Что случилось, дружок? Ты почему такой испуганный?

— Мнох, — коротко мякнул кот.

— Перестань дрожать! Ты под моей защитой. Пойдём, покормлю на ночь.

Кот вдруг открыл глаза шире и зашипел.

Максим удивлённо прижал его к себе, и в этот момент раздался дверной звонок.

Кот зашипел ещё раз, вырвался, метнулся в спальню.

Недоумевая, что подействовало на животное, Максим заглянул в глазок, увидел незнакомого мужика в пятнистой куртке кроя «милитари». Помедлив, спросил:

— Кто?

— Сосед, — ответили ему.

Он открыл дверь.

Мужик оказался ниже его ростом, но шире и без живота, какой можно было предполагать, глядя на его широкое мясистое лицо с седоватой бородой. Ему было лет пятьдесят, лысоват, глаза серые, маленькие, зато широкие чёрные брови, также с сединной, а мощные челюсти вызывали уважение.

— Я по поводу кота, — сказал мужик.

— Слушаю.

— Орёт!

Максим оглянулся на дверь. В последнее время после возвращения из Сещинского леса Рыжий совсем перестал мяукать, и заявление соседа (кстати, Максим мог поклясться, что раньше они не встречались) отдавало наговором.

— Кот давно перестал орать.

— Орал весь день. Либо забирай его с собой на работу, либо утопи. Нам шумные соседи ни к чему.

Максим усмехнулся.

— Простите, не знаю вашего имени-отчества, в какой квартире вы проживаете?

Гость покосился на другой конец коридора, но таблички с номерами квартир отсюда не просматривались, и прогундосил:

— В соседней.

— Ни разу вас не видел, хотя живу здесь уже пять лет.

— Тебя предупредили. — Здоровяк кинул взгляд на дверь, словно хотел увидеть кота, потопал прочь, но не к соседней квартире, а к лифту.

— Эй, дядя, — окликнул его Максим.

Мужик обернулся.

— Ещё раз увижу здесь, вызову полицию, — закончил Максим хладнокровно.

Глазки здоровяка сузились, почернели.

Максиму показалось, что по лбу его стукнули кулаком. Удар он выдержал, но очевидно не сдержал эмоций.

Узкие губы гостя разъехались чуть ли не до ушей.

— Чево ты казав?

— Чево слышал.

В руках гостя вдруг сверкнул нож. Вернее, не нож, а нечто вроде пестика с длинной, утончавшейся от навершия к концу ручкой. Здоровила вытянул его остриём к Жарову, и того продрал мороз страха, да так, что потемнело в глазах.

— Кота отдай, паря! — донёсся глухой деревянный голос. — Не то хуже будет! И в Сещинский лес больше не суйся!

Поднявшийся в душе гнев стёр страх и зыбкое марево внушения.

Не давая себе отчёта, что делает, Максим в темпе догнал гостя, выхватил у него пестик-нож, сделал сложное движение, трижды прокрутив его пальцами, ощутив необычный холод кости (странный ножик не был металлическим), и направил остриё на здоровяка:

— Пошёл вон!

Гостя шатнуло. Он попятился, мелко перебирая ногами, с ужасом глядя на пестик. Затем рванул прочь, ссыпался по ступенькам лестницы вниз, минуя лифт, и скрылся за шахтой лифта. Через несколько секунд с первого этажа донёсся звук хлопнувшей входной двери.

— Жесть! — с чувством выговорил Максим, ошеломлённый бегством незнакомца в камуфляже.

Осмотрел отнятое изделие, пестик не пестик, мосол не мосол, нож не нож. Он был сделан из слоистого белого материала, похожего на кость (из бивня мамонта? — мелькнула мысль), и по-прежнему холодил ладонь, как кусок льда.

Что ты такое, ледышка костяная? И почему стреляешь страхом? Кстати, не от тебя ли прятался Рыжий? Недаром же сидел под кроватью и трясся.

Последняя мысль заставила проверить догадку.

Максим обнаружил кота забившимся под кровать, уселся перед ним на корточки, показал пестик.

— Ты от этого прятался?

Глаза кота стали совсем чёрными, полностью заполненные зрачками, он зашипел, залезая ещё глубже под кровать.

— Понятно. — Максим встал, озадаченно разглядывая оружие гостя.

Интересная штукавина, однако. А главное, откуда этот колдун знает о нашем походе в лес? И почему ему хочется избавиться от кота? Не потому ли, что он вывел нас с ведьминой поляны? Сначала в древнее царство, если можно так выразиться, потом обратно.

— Вылезай, я тебя в обиду не дам.

После долгих уговоров Рыжий наконец соблаговолил выбраться из своего убежища и дал себя покормить.

Уже перед тем, как ложиться спать, Максим позвонил Сан Санычу и рассказал ему о визите странного мужика.

— Это тянет на уголовку, — прореагировал Александр. — Придётся привлечь кое-каких моих знакомых в полиции.

— Подъезжай завтра.

На том и порешили.

Глава 7

Но история с визитом незнакомца в милитари-прикиде на этом не закончилась. На следующий день Максиму пришлось отъехать из дома, а когда он вернулся, встретил на лестничной площадке давешнего мужика и с ним худого, вертялого, с лицом хитрого лисёнка, молодого парня в таком же камуфляже. Оба стояли у двери квартиры спинами к лифту и что-то увлечённо делали, не обратив внимания на звук открывающихся дверей лифта. Через пару мгновений Максим понял: они пытались взломать замок.

Пришла идея напугать гостей, и он сказал раскатисто:

— Какие люди! И на свободе!

«Лисёнок» подскочил.

Оглянулся и вчерашний «сосед», хотя и не так споро. У него в руках сверкнул необычной конфигурации инструмент с набором лезвий и штырей.

— Я же предупреждал, — укоризненно произнёс Максим, — что вызову полицию.

Гости переглянулись, и в руках обоих появились знакомые пестики с заточенными концами.

Максим пожалел, что оставил свой пестик дома. Но исправлять ситуацию было уже поздно.

— Итак, вопрос: что вам надо, господа взломщики?

— Отдай кота! — ощерился здоровяк.

— А болт с левой резьбой вам не нужен? — иронически осведомился Жаров.

Гости переглянулись.

— Ты на кого шуршишь, пакетик?! — выверился худой парнишка. — Мы же тебя в паука превратим!

Выглядела эта угроза так смешно, что Максим засмеялся.

— Что-то новое в лексиконе домушников.

— Отдай кота и будешь жить! — тяжело проговорил здоровяк.

Максим вспомнил, что в кармане у него лежит пластиковый чип для открывания дверей подъезда. Сконцентрировался на последующей операции.

— Кот желает остаться у меня. Ещё вопросы есть? Если нет, выметайтесь отсюда, пока не приехала полиция.

«Лисёнок» посмотрел на кряжистого патрона.

Максим с удивлением услышал странный разговор гостей, напомнивший ему речи встреченных в «параллельной» Хлумани жителей.

— Я йогов бью...

— Спынай головче, оне здороваги, краше отнымы памъять.

Загудел лифт.

Худосочный «иностранец» направил на Максима остриё пестика, и брошенный Жаровым пластиковый прямоугольник угодил ему прямо в глаз. Парень взвыл, выронил пестик, его спутник отвлёкся, и ступивший на лестничную площадку из лифта Сан Саныч, оценив ситуацию, прыгнул к нему и рывком отправил здоровяка в полёт. Мужик в камуфляже выбил головой стекло окошка на лестничной площадке, свалился на пол. Но вскочил по-кошачьему, выискивая пестик.

Догадавшийся о том, что последует дальше, Максим упал на пол, подхватывая выроненный парнишкой «недокинжал». Выдохнул, напрягаясь:

— Застрелю!

Оба острия с шипением выбросили почти невидимые прозрачные змейки холодного воздуха. Змейки столкнулись, рождая брызжащий искрами клубок.

Мужик с пестиком завизжал как резаный, затряс рукой и метнулся к лестнице, как в прошлый раз, уступая поле боя и не обращая внимания на продолжавшего вить парня.

Максим, получивший неслабый удар по голове невидимым разрядом, пошатнулся, но устоял. Пока он приходил в себя, Сан Саныч бросился к парню, но тот змеёй крутанулся на лестницу вслед за парником и исчез.

Сан Саныч оглянулся.

— Что тут происходит?!

— Грабители, — коротко ответил Максим, расслабляясь, прогоняя из головы холод.

Сан Саныч подобрал пестик.

— Что это за мосол?

— Не трогай! — Максим отобрал изделие, стреляющее неведомым полем. — Это какой-то психотронный разрядник. В меня стреляли уже дважды, тот мордovorот и пацан. Такое впечатление, будто тебе в челюсть кулаком заехали.

— Долбоны! Чего они хотели?

Максим осмотрел пестик-мосол, отмечая, что этот «разрядник» покорооче первого, отобранного у здоровяка, и слоистой.